

того, в ответ на соучастие французских масонов в Великой революции Объединенная великая ложа Англии запретила французскому Великому востоку называться масонской организацией.

Если актуализировать антимасонские законы, приведя их к современному историческому контексту, возможно с оговорками провести аналогию с действующим законодательством, касающимся НКО со статусом иностранного агента. Так, все государственные служащие Российской империи должны были дать обещание, что они не принадлежат ни к какой масонской организации, «если же кто так одного обязательства дать не пожелает, тот не должен оставаться на службе»¹, причем, учитывая иностранное происхождение многих сограждан, закон требовал даже такой оговорки: «Я нижеподписавшийся ни внутри Империи ни вне к оной не принадлежу»².

Масонское движение возможно сравнить еще с одним современным явлением, а именно с глобальной сетью «Интернет»³. В данном контексте имеется в виду не технология, а идеология или феноменология этого явления, а именно тот факт, что у сети «Интернет» фактически нет единого центра, а весь контент создается самими пользователями, которые группируются вокруг определенных реперных точек глобального «болота». Более того, так как содержанием или субъектом в этих отношениях является информация, ее носители со временем приобретают информационный аватар и превращаются в своеобразную икону, существующую отдельно от физического носителя. Распространение информации (вспомним другое название масонов — «иллюминаты»), иерархичность доступа к ней и даже популяризируемая «тайность» определенного сегмента, к которому, однако, при желании можно получить доступ, — фактически запрещающая масонство, чиновничество Российской империи попыталось запретить современный ему интернет.

Некоторых из масонов казнили, других сослали на каторгу, иные ушли в подполье, кто-то, как, например, нижегородец А. А. Карелин, попытался пересмотреть свои взгляды⁴. Запретив людей, государство не сумело запретить информацию, более того, лишившись носителей, она приобрела идеальный платоновский характер и для нее вскоре нашлись новые носители. Технология мини-сообществ была уже отработана и прекрасно показала себя в дальнейшем. Формализация лояльности — вспомним справку о благонадежности — привела к искренней «антилояльности».

Позволим себе высказать гипотезу: единственным возможным решением в данном контексте был бы не запрет «информации», а создание собственных «аватаров» и «цифровых икон», своих автономных, самовоспроизводящихся центров влияния — своего «масонства», что, однако, требовало и требует значительных средств и ресурсов. Продолжая аналогию, предположим, что как Российская империя, так и СССР отчасти погибли из-за нежелания тратить на гуманитарную сферу ресурсы, сопоставимые с военными расходами или добычей нефти. В заключение скажем, что масоны — причем не какие-то иностранцы, а патриоты и автохтоны — принимали активное участие в становлении и развитии государственности США⁵. Сопоставление американских и российских масонских мыслителей — интересная тема для дальнейших исследований.

Капитанова Надежда Валентиновна,

преподаватель кафедры психологии и педагогики
Нижегородской академии МВД России

Коллективная память в системе адаптационных ресурсов педагогических работников

Коллективная память — это общественный феномен, существовавший на каждом этапе исторического развития человечества, имеющий временную специфику и характерные черты. Основная особенность коллективной памяти в том, что с помощью нее на основе прошлого опыта человек

¹ См.: Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 38: 1822–1823. С. 579–580.

² Там же.

³ Об этом мы говорили в рамках прошлого круглого стола: Собко, Р. В. Понятие deep state в контексте масонской антропологии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (54). С. 240–243.

⁴ Сапон В. П. Боевая радуга новой культуры (Анархо-мистическое движение в нижегородской провинции) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 26–32.

⁵ Собко Р. В. Социальное государство: историческая и богословская ретроспектива // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 308–311.

конструирует актуальную картину мира. Однако развитие общества — процесс динамический, что приводит к тому, что социальная группа, общность, коллектив в разные исторические периоды имеет собственную трактовку прошлого. Как справедливо пишет Р. Коллингвуд, наше прошлое становится объектом нашей мысли с помощью исторического воображения¹.

Говоря о современном обществе, отметим, что сегодня для успешного существования человек вынужден адаптироваться не только к общественным, но и природным вызовам. Разумеется, чтобы преодолеть вновь возникшие социальные трудности, человек обращается к предыдущему опыту, который тесно связан с понятием адаптационного потенциала человека, его коммуникацией и общественными взаимоотношениями. Иными словами, адаптация индивида происходит в процессе его социализации, которая предполагает социальное познание, общение, овладение практическими навыками деятельности, овладение социальными функциями и ролями.

С другой стороны, в настоящее время в связи с актуальностью исследований адаптационных ресурсов возрастает интерес и к понятию коллективной памяти, поскольку данный общественный феномен связан с такими компонентами, как социальная самоидентичность личности, эмоциональная вовлеченность членов в группе, формирование и преемственность жизненных ориентиров, социальных ценностей и традиций². Благодаря коллективной памяти общность, группа, коллектив и т. д. оставляют свой след во временном и историческом пространстве.

Интересным этапом для исследования адаптационного потенциала педагогических работников стало начало пандемии COVID-19, когда весной 2020 года практически все сферы общественной жизни перешли в онлайн формат, и дистанционное обучение стало единственно возможным и адекватным ответом на вызов пандемии. Очевидно, что у большинства педагогических работников в этот период возникли сложности и вопросы, причиной которых являлось не только неприязненное отношение преподавателей к онлайн среде, но и тот факт, что в целом подобная форма жизни отсутствовала в нашем опыте. В тот временной момент в коллективной памяти преподавателей отсутствовала информация о том, как действовать в сложившихся условиях.

Сегодня, когда начало тотального дистанта стало частью прошлого, представляется возможным провести некоторый анализ определения места цифровых технологий в учебном процессе и выявления основных адаптационных ресурсов у педагогических работников. Для достижения цели исследования нами в 2021 году был проведен опрос преподавателей вузов МВД России (выборка — 420 человек), результаты которого позволяют сделать следующие выводы: 81 % опрошенных педагогических работников активно пользуются цифровыми технологиями в ежедневной педагогической практике; 47,6 % респондентов положительно относятся к применению цифровых технологий в образовательном процессе; 76,2 % убеждены, что в дальнейшем цифровые технологии будут признаны необходимой частью образовательного процесса.

На вопрос «Что способствует Вашей адаптации к цифровой образовательной среде?» были получены следующие результаты: 61,9 % — педагогический опыт и знания; 50 % — ответственность, профессиональный долг; 47,6 % — желание, стремление к овладению новым; 40,5 % — новые технологии, информация из сети «Интернет». Самым популярным условием успешной адаптации преподаватели называют взаимопомощь коллег — 64,3 %.

В ходе исследования выявлены следующие особенности развития адаптационного потенциала преподавателей вузов МВД России в условиях цифровой среды: повышение уровня дисциплины и личной ответственности преподавателей в условиях их снижения у учащихся, рост осознания необходимости повышения профессионального мастерства, развитие навыков работы с техническими устройствами, активизация процесса самообразования, повышенный запрос на профессиональную поддержку в решении новых педагогических проблем, рост взаимопомощи в служебных коллективах.

Итак, коллективная память способствует формированию сплоченного коллектива, дает его участникам основания для совместного продуктивного существования, формирует уверенность в собственных силах и делает эффективным дальнейшее существование человека и группы, то есть способствует успешной адаптации человека к изменяющимся общественным условиям. Таким образом, коллективная память является неотъемлемой частью адаптационного потенциала человека в процессе его социализации и жизнедеятельности.

¹ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. Издательство «Наука». М., 1980. 486 с.

² Ивашевский С. Л. Политика памяти в российском образовании // Философия образования. 2016. № 1 (64). С. 92–101.